

Ирина Мельничук

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аналізуються основні тенденції прояву релігійної проблематики у Ф.М. Достоевського, теоретичні уявлення письменника щодо проблеми вибору майбутнього шляху розвитку Росії, місії Церкви, міркування про роль російського народу як „носія вищої духовної істини”.

***Ключові слова:** православна віра, соборність, католицизм, „російський характер”, християнство, Ф.М. Достоевський.*

Многие литературоведы уделяли внимание религиозной концепции Ф.М. Достоевского относительно будущего духовного пути России, основываясь на почвеннических идеях писателя (Г. В. Флоровский, В.С. Соловьев, М.М. Дунаев, Р.Г. Назиров, А.Г. Гачева и др.). Дополняя их работы, мы рассматриваем основные тенденции проявления религиозной проблематики у Достоевского, которая неотъемлемо присутствует в творчестве автора на протяжении всей его литературной деятельности. Жизнь и смерть, смирение и гордыня, любовь к ближнему и умение прощать врагов, грех и искупление – все это основные проблемы, находившиеся в центре внимания Федора Михайловича и до сих пор волнующие человечество. Изучая эти вечные неразрешимые вопросы, классик практически всегда обращается к Святому Письму, что, несомненно, является и общей тенденцией для всей русской словесности. Факт огромного влияния Библии на литературу можно объяснить тем, что сама книжность возникла изначально как христианская, где всегда присутствовала и развивалась библейская тематика. Ориентиром на пути духовных поисков она стала и для Ф.М. Достоевского: „Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точное изваяние мира, и человека, и характеров человеческих, и названо все, и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных... Эта книга непобедима... Это книга человечества” [5, т. 20, с. 95]. Для него это не просто книга, но „алфавит духовный”, мир Библии представляется писателю не отвлеченным, полным древних мифологий, но, напротив, вполне реальным, соприкоснувшись с которым, Достоевский открывает для себя новые идеи, высшие истины, которые и формируют впоследствии философско-религиозный подтекст произведений автора. Как для всякого религиозного человека, в центре всего миропонимания Достоевского стоит Бог – „важнейший мировой вопрос”, идеалом духовного созревания личности становится „уподобление Христу”, а для этого сначала необходимо обратиться к Святому Писанию и исполнить те вечные истины, о которых говорил

Христос. Федор Михайлович пишет: „Если вы почувствовали, что вам тяжело „есть, пить, ничего не делать и ездить на охоту, ...и действительно вам так жаль бедных, которых так много, то отдайте им свое имение, если хотите, пожертвуйте на общую пользу и идите работать ... и получите сокровище на небеси, там, где не копят и не посягают” [5, т. 25, с. 61]. Эта мысль Достоевского заимствована из Евангелия от Матфея, в котором описан диалог богатого юноши с Иисусом. Юноша спросил о том, что еще ему необходимо сделать, чтобы наследовать жизнь вечную. „Иисус сказал ему: „...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь имение на небесах; и приходи и следуй за Мною” [2, с. 63–89]. Напротив, отречение же от веры в Бога, по Достоевскому, неминуемо приведет человечество к гибели. Бес в „Братьях Карамазовых” произносит знаменательные слова: „По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, – о, слепцы, ничего не понимающие!” [5, т. 15, с. 31]. А человек для Достоевского был „...микрокосмосом, центром бытия, Солнцем, вокруг которого все вращается...”, для него „решить вопрос о человеке – значит, решить вопрос о Боге”, самый главный вопрос в жизни писателя. Достоевский был искателем искры Божией во всех людях, даже дурных и преступных: миролюбие и кротость, любовь к идеальному и открытие образа Божия даже под покровом временной мерзости и позора – вот идеал этого великого мыслителя. В уста старца Зосимы Федор Михайлович вкладывает замечательные слова: „Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле... Помни особенно, что не можешь ничьим судьей быть. Ибо не может быть на земле судьи преступника, прежде чем сам судья не познает, что он такой же точно преступник, ...и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех виноват” [5, т. 15, с. 105]. Основой творчества Ф. М. Достоевского была установка на человеческое в человеке, на поиск в самом человеке „богоориентированной благородной внутренней природы, различающей добро и зло, осуществляющей выбор между Христом и Антихристом”. Достоевский как великий гуманист верил в человеческое, в гармонию божественную и человеческую через страдания к радости, к облагораживанию и самосовершенствованию себя и окружающего мира, когда человек, веря в себя, в свое высокое предназначение, развивая в себе лучшие качества, любя людей, создает лучший, более совершенный нравственный мир.

Писатель развивает идею, что человек, совершивший грех, способен духовно воскреснуть, если уверует в Христа и примет его нравственные заповеди. При этом он обязан обратиться к Евангелию и найти там ответы на мучающие его вопросы, должен постепенно переродиться, перейти в новую для него действительность. Религиозный же идеал Христа дается верующему как образец, а жизнь есть отступление от идеала и возвращение к нему: герои произведений Достоевского то приближаются, то отступают от идеала. Духовное же

возрождение через „сострадательную любовь и деятельность” лежит в основе философской концепции писателя, для раскрытия которой он использует мифы и образы из Библии. Федор Михайлович хотел доказать, что, несмотря на всю „ту наносную грязь, которой покрывает он себя”, человек все же не может жить без веры в Бога, в нем „образ Божий, но падший”, и все же есть надежда на его „восстание и спасение”. Подтверждением этому служит суждение о людях Кириллова („Бесы”): „Они не хороши, потому что не знают, что они хороши. Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого” [5, т. 24, с. 446]. Вероятно, основываясь на этой идее, писатель всегда искренне верил в русский народ и призывал судить русский народ „не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать”, ведь „идеалы его сильны и святы”. Достоевский, будучи сторонником почвенничества и рассматривая всю историю человечества как „историю борьбы за торжество христианства”, основой развития России считал „национальную почву”, утверждал, что русский народ вместе с образованной частью общества является носителем „нравственности, ... подлинной религии”, „высшей духовной истины” и ему предназначено „спасти все человечество” благодаря Православию. „Православное дело” воспринимается им прежде всего „как народная потребность в жертвенности, ... желание донести Христову любовь и истину до каждого.” Таким образом, по Достоевскому, для того, чтобы стать настоящим русским, необходима „решимость... делать все ради деятельной любви, все, ... что сами искренно признаете для себя возможным” [5, т. 25, с. 61]. То есть стремления отдельных индивидов к такого рода деятельности необходимо соединить в „едином ... православном деле”, и это станет „очередным этапом в осуществлении мессианского предназначения русского народа”.

Следует также отметить, что одним из важнейших аспектов „православного дела” Достоевский считал возможность преодоления отрыва русской интеллигенции от простого народа, возможность объединения их едиными целями. Доказательством этому послужил тот факт, что многие представители „высшей интеллигенции русского общества...” во время войны на Балканах присоединились к народной идее, к „православному делу” [5, т. 23, с. 102]. Во время конфликта с Турцией Федор Михайлович выступает за объединение всех славян во главе с Россией и настаивает не столько на политическом, сколько на объединении религиозном, отмечая, что „империя после турок должна быть не всеславянская, не греческая, не русская...”, а именно православная. Писатель хочет спасти не только одних славян, но и весь мир, для него восточный вопрос – это прежде всего вопрос судьбы России, Европы и всего мира, неотделимый от православия, на которое возложены огромные надежды, ведь „утраченный образ Христа”, который для него „абсолютное, ...личностное Благо и совершенная Красота”, сохранился в своем изначальном значении, „неповрежденно” в народах славянских, особенно в русском народе, сохранился лишь в Православии, „которое, может, вновь спасет ... человечество”. Отсюда и

надежда Достоевского на русский народ как на народ-богоносец, народ, который призван спасти Европу – это „дорогое кладбище”, – по словам Ивана Карамазова, а с нею и весь мир. „Все, чего ищет русский народ, – пишет он, – заключается для него в Православии – в одном Православии и правда и спасение народа русского; главнейшее ... назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит в том, чтоб сохранившийся в Православии Божественный лик Христа, когда придет время, – явить всему миру, потерявшему свой путь” [5, т. 24, с. 88]. Возникает вопрос: разве Европа не была христианской? По словам Федора Михайловича, в Европе „и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства”. В письме к Н. Страхову (1871) он утверждает, что именно благодаря католицизму „Христа потеряли” и „оттого Запад падает”. Причину духовного омертвения Европы Достоевский видит в извращении самих основ христианства в католичестве, обвиняя не только „религию католическую одну”, но и „всю идею католическую”. Обращая внимание на религию, Федор Михайлович описывает и лицемерие священников: „Католический священник... вотрется в бедное семейство какого-нибудь работника ... и под конец обращает всех в католичество..... Это религия богатых и уже без маски...” [5, т. 24, с. 98]. К католичеству Достоевский всегда относился враждебно, отождествляя его с идеей „насильственного единения человечества, идеей новой всемирной монархии во главе с папой” [5, т. 25, с. 71]. Католическая церковь, по Достоевскому, стремится любыми средствами, в том числе насилием и хитростью, подчинить человека власти Рима. И эта идея исходит не из любви ко Христу, а из „горделивого стремления к господству над всем человечеством”. Но в то же время Достоевский любил Запад. Он многому научился у западных мыслителей и исследователей, чувствовал на Западе „вторую родину русского духа”, более того, история неизменно сталкивала Россию и Европу, следовательно, невозможно разрешение православного вопроса без разрешения вопроса о Европе. По его мнению, Запад все так же оставался христианским миром, где „не померк образ Спасителя”, где „Бог с дьяволом борется, и поле битвы – сердца людей”. Этим и обусловлено стремление к „вселенскому синтезу”, к снятию „европейских противоречий”, а истинное „Всеединство”, согласно Достоевскому, достигается лишь тогда, когда „чужое” становится „своим”. При этом писатель признавал „только братство в Христе, – через любовь к Христу – и к ближним в Христе”, считал, что „только во Христе и есть для нас ближние, только во Христе человек становится и может стать для человека ближним...” [5, т. 23, с. 71]. Поэтому конечной целью духовного становления человека как личности становится, по Достоевскому, уподобление Христу: „Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек” и „мир может спастись только Христом, чистота образа которого сохранилась лишь в Православии” [1, т. 20, с. 172]. В черновиках к „Антихристианину” Ницше писал: „Я знаю только одного психолога, который жил в мире, где

возможно христианство, где Христос может возникать ежемгновенно. Это Достоевский, он угадал Христа” [8, с. 188–197].

Достоевский стал одним из основоположников русской религиозно-философской мысли, которая стремилась к религиозному оправданию истории, выдвигая идею „богочеловечества”, т. е. единого, согласованного действия Божественной и человеческой воли. Исторический путь человечества представлялся Федору Михайловичу как путь к „новому небу и новой земле”, целью которого было воцарения в мире „Царствия Божия”, а смысл истории человечества он усматривал в движении к Царствию Небесному, к идеалу соборного единства, единства в Боге, и что этот будущий соборный тип бытия, „рай Христов”, возможно достигнуть лишь долгим и трудным путем перерождения человека, в котором и заключен смысл земной жизни. В „Записной тетради” за 1864–1865 годы Достоевский писал об этапах нравственного развития человека: „Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация – среднее, переходное. Христианство – третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал” [5, т. 20, с. 194]. В представлении Ф.М. Достоевского, а также русских религиозных мыслителей, таких как И.С. Аксаков, Н.Ф. Федоров, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, христианство не может быть ограничено лишь монастырской средой, оно должно проникнуть во все сферы человеческого бытия – в политику, государственное устройство, науку, культуру, внести в них божеские ориентиры, высший религиозный идеал, одушевить „бытие общественного и державного целого”. Федор Михайлович писал: „Надо, чтобы и в политических организмах была признаваема та же правда, та самая Христова правда, что и для каждого верующего” [5, т. 25, с. 49], а также „...гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят...” [5, т. 26, с. 150]. Христианская политика содержит в себе тот же евангельский закон, что определяет духовное возрастание личности; она основана на заповедях любви, братства, самопожертвования, а будучи построена на принципах новозаветной нравственности, становится одним из средств поворота истории на Божьи пути. Недаром, соборность в христианской традиции понимается как церковное единение христиан в любви, вере и жизни. Д.А. Хомяков дает определение соборности как „целостному сочетанию свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям”. Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому понятию „лад” и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа. Благодаря соборности, одному из главных духовных условий национального единства, возможно было создание такой мощной державы, как Россия, которая сумела обеспечить органичное сочетание единства и свободы, где почти каждый русский был предан своей державе „не за страх, а за совесть”. Таким образом, известная формула „Православие, Самодержавие, Народность” возникла не на пустом месте, а отражала соборные ценности русского народа, возникшие еще в глубокой древности. Напротив, Запад не сумел создать

такого мощного государства, объединенного на духовных началах, так как он не достиг соборности, а для объединения народов вынужден был использовать прежде всего насилие. Тема соборности напрямую связана с размышлениями Достоевского о Церкви, которая, по убеждению писателя, и призвана быть воплощением человеческого „многоединства”, ее миссия – привести человечество к Царствию Божию. Вспомним беседу в келье старца Зосимы, где идет речь о преобразении государства и общества из „союза почти что языческого во единую, вселенскую и владычествующую церковь”, и „Дневник писателя” за 1881 г., где дана формула „русского социализма”, „цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле...” [5, т. 27, с. 19]. В „Дневнике писателя” за 1876–1877 г. образ соборного единства человечества появляется и в главе „Утопическое понимание истории” июньского номера „Дневника” за 1876 г., а также в апрельском выпуске „Дневника”(1877 г.). В.С. Соловьев считал, что под идеей Достоевского о всемирном братстве кроется не „рай на земле”, а общество, построенное на религиозно-нравственных началах, т. е. Церковь. Он выделяет идею Церкви у Достоевского как высшую в развитии им русской идеи. Понятия Обновленного Человечества, всемирного братства и любви в произведениях писателя являются отражением его идеи о возможности построения идеального общества на высоких нравственных основаниях, которому соответствует определение Царства Божия на земле или же идеального общества. Не отвергая идею Церкви, он придает ей новое значение, определяет ее целью христианское воспитание человечества и направление его к Царству Божию, при достижении которой Церковь полностью выполняет задачу и утрачивает свою роль. То есть Церковь может быть рассмотрена лишь как средство, как „путь достижения конечной цели, но не как самоцель”.

Таким образом, говоря о творчестве Достоевского, можно с уверенностью отметить, что основное его направление и дух – евангельские. Как все Евангелие, так и произведения писателя пронизаны духом покаяния, необходимости осознания человеком своей греховности, смирения, духом блудницы, преступника, „припавших со слезами раскаяния ко Христу и получивших очищение, нравственную свободу, радость и свет жизни”. „Возрождение, – подчеркивает митрополит Антоний (Храповицкий), – вот о чем писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев” [1, с. 45].

Идею о великом значении для человека веры в Бога Федор Михайлович высказывает и развивает во многих своих сочинениях, и она, бесспорно, включает в себе основной смысл его творчества, источник его „богоискательства”, прошедшего в великих интеллектуальных и нравственных исканиях и приведшего ко Христу и Православию. Изучение религиозной проблематики произведений Ф.М. Достоевского дает возможность откорректировать представление о философии жизни писателя, его концепции человека, морально-

этической программе, которую он проповедовал. Нет необходимости доказывать, насколько важно это для действительно глубокого понимания классика русской литературы, для определения степени его влияния на мировоззрение современников и последователей.

1. Анашкин Д. Митрополит Антоний Храповицкий: взгляд из XXI века / Д. Анашкин // Новый Журнал. – 2006. – № 2. – С. 45.
2. Борисова В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского (Библия и Коран) / В. Борисова // Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 63–89.
3. Буданова Н. Достоевский о Христе и истине / Н. Буданова // Достоевский : материалы и исследования. – СПб. : Наука, 1992. – Т. 10. – С. 21–30.
4. Виноградов И. Горнило сомнений / И. Виноградов // Наука и религия. – 1971. – № 11. – С. 54–60.
5. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1972–1990.
6. Ефимова Н. Мотив библейского Иова в „Братьях Карамазовых” / Н. Ефимова // Достоевский : материалы и исследования. – СПб. : Наука, 1994. – Т. 11. – С. 122–132.
7. Назиров Р. Проблема художественности Достоевского / Р. Назиров // Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 125–157.
8. Ницше Ф. Из наследия /Ф. Ницше // Иностранная литература. – 1990. – № 4. – С. 188–197.
9. Соловьев В. Три речи в память Достоевского / В. Соловьев // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. – М. : Книга, 1990. – С. 32–59.
10. Флоровский Г. Религиозные темы Достоевского / Г. Флоровский // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. – М. : Книга, 1990. – С. 386–391.

Аннотация

Анализируются основные тенденции проявления религиозной проблематики у Ф.М. Достоевского, теоретические представления писателя относительно проблемы выбора будущего пути развития России, миссии Церкви, размышления о роли русского народа как „носителя высшей духовной истины”.

Ключевые слова: православная вера, соборность, католицизм, „русский характер”, христианство, Ф.М. Достоевский.

Summary

The article describes the main trends of religious issues in F. M. Dostoevsky, the theoretical ideas of the writer on the problem of choosing the path of future development of Russia, the Church's mission, thinking about the role of the Russian people as „the carrier of the highest spiritual truth”.

Key words: Orthodox Faith, collegiality, Catholicism, „Russian character”, Christianity, F. M. Dostoevsky.